

ідентифікації, розширюють межі номінації. Десемантизовані оніми уможливають більш точну та образну характеристику позначуваного об'єкта, явища або людини, виражаючи при цьому відношення мовця. У складі ФО значення онімів здатні абстрагуватися, узагальнюватися, конкретизуватися. В ономастичній фразеології оніми вичерпують свої ономастичні функції, перестають бути вираженням абсолютної одиничності. Вони зазнають семантичних перетворень та якісних змін, які свідчать про часткову, а іноді і повну подібність таких власних назв з загальними назвами. Відмінність власних імен від апелятивної лексики полягає в тому, що будь-яке з них, особливо топонім або антропонім, може стати національним за сферою свого вжитку та своєї значущості.

У кожній мові є слова, які позначають явища, пов'язані зі свідомістю, духовним світом носіїв мови і наділені специфічним національним колоритом. У значенні цих слів, окрім раціональних інформативних чинників, присутні конотативні аспекти, які інтерпретуються як додатковий зміст слова, його супровідні семантичні чи стилістичні відтінки, що накладаються на його основне значення, служать для вираження різних експресивно-оцінних значень.

БІБЛІОГРАФІЯ

1. Ажнюк Б.М. Англійські фразеологізми з власно іменним компонентом// Мовознавство. – 1984. – № 6. – С. 61 – 65.
2. Алефіренко М.Ф. Теоретичні питання фразеології. – Харків: Вища школа, 1987.– 135 с.
3. Кочерган М.П. Основи зіставного мовознавства: Підручник. – К.: Вид. центр “Академія”, 2006. – 424 с.
4. Маслова В.А. К построению психолингвистической модели коннотации// Вопросы языкознания. – 1989. – Вып. 1. – С. 108–120.
5. Сайт английских пословиц и поговорок: <http://pogovorki.net/cat17/>

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Олена Арделян – кандидат педагогічних наук, доцент, докторант кафедри перекладу та загального мовознавства Кіровоградського державного педагогічного університету імені Володимира Винниченка.
Наукові інтереси: ономастика, фразеологія.

НЕКОТОРЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЮМОРА НА ДИСКУРСИВНОМ УРОВНЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П.Г. ВУДХАУЗА (ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД)

Анжела БОЛДЫРЕВА (Одесса, Украина)

У роботі розглянуто деякі дискурсивні засоби формування гумористичного ефекту у лінгвокогнітивному аспекті. Механізм породження гумору досліджується з точки зору фреймової теорії.

The article is concerned with some of the discourse humorous effect formation devices in the linguistic and cognitive aspect. The mechanism of creating humorous effect is studied from the frame theory standpoint.

Исследованию юмора, а также различных языковых средств, его порождающих, посвящено достаточно большое количество научных работ как отечественных, так и зарубежных ученых (см., напр.: [4; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13]). Тем не менее, работ обобщающего характера, а также исследований юмора в русле фреймовой семантики относительно немного (см., напр.: [8; 9; 12; 13]).

Объектом нашего исследования в настоящей статье является вербальный юмор. Источником такой формы юмора служит язык. Однако вербальный юмор можно подразделить на чисто языковой, порождаемый языковыми средствами, и языковой ситуативный юмор, при котором язык отражает ситуацию общения. На наш взгляд, эти разновидности вербального юмора реализуются на разных уровнях, с помощью разного языкового материала. Нами было выделено два таких уровня: языковой и дискурсивный. На языковом уровне юмористический эффект создается различными языковыми средствами и приемами такими, как игра слов, метафора, сравнение, гиперболы, употребление слов различной стилистической маркированности и т.п. На дискурсивном уровне реализация юмора возможна только в коммуникации, в процессе социокультурного взаимодействия коммуникантов. Понимание юмора в этом случае зависит также не только от степени владения адресатом языком, но и от наличия у него экстралингвистических знаний о ситуации, предмете сообщения и т.п.

Целью данной статьи является рассмотрение разнообразных средств языка для порождения юмора на дискурсивном уровне, описание фреймового механизма формирования юмористического эффекта у адресата сообщения при восприятии им этих средств.

Материалом исследования послужили романы известного английского писателя XX века П.Г. Вудхауза.

В нашем исследовании юмора мы опираемся на фреймовую теорию американского ученого М. Минского [8]. Детально об этой теории, а также о фреймовом механизме формирования юмористического эффекта, разработанном нами на основе взглядов М. Минского, мы писали в наших предыдущих работах (см., напр.: [1; 2; 3]).

На дискурсивном уровне нами было выделено несколько средств языка, вызывающих неожиданную смену неродственных фреймов в сознании адресата и создающих юмористический эффект: смещение фокуса высказывания, нарушение вопросно-ответного единства, нарушение логики повествования и рассуждения, употребление референтно-бессмысленных высказываний. Все это нарушает логическую последовательность активации фреймов при восприятии происходящего и способствует появлению у адресата ментальной оппозиции «логичное – нелогичное».

Вопросу верного установления фокуса для осуществления коммуникации придавал большое значение У. Ленерт. В своей статье, посвященной проблемам вопросно-ответного диалога, он отметил, что «удалось ли правильно определить семантическое содержание вопроса, часто зависит от того, верно ли установлен его фокус. А ответы, показывающие, что «не поймана суть вопроса» – это как раз те, в которых неверно определен фокус» [7: 269]. Фокус может устанавливаться исходя из общих знаний о мире, исходя из информации, представленной в ситуации, тексте. Фокусом может стать неожиданный, необычный, относительно интересный элемент [Там же: 268-269]. Иногда фокус может смещаться адресатом намеренно, являясь определенным тактическим ходом коммуниканта.

При восприятии вопросно-ответного диалога читатель сначала активирует какой-либо фрейм по ключевым словам, произнесенным фиктивным адресантом. Затем вслед за фиктивным адресатом, который в силу определенных причин сместил фокус высказывания и дал в соответствии с этим ответ, неожиданно активирует другой фрейм, не являющийся родственным первому.

Смещение фокуса – довольно частотный прием создания юмористического эффекта в произведениях П.Г. Вудхауза.

А. *“We Rowcesters aren’t easy to place. The Rowcester men have all been lilies of the field. Why, Uncle George **didn’t even put on his own boots**”.*

Б. *“Whose boots did he put on?” asked Rory, interested.*

А. *“Ah, that’s what we’d all like to know...” (17: 15)*

Реплика коммуниканта А, а именно такие фразы, как “Rowcesters”, “the Rowcester men” (род Роусестеров), “lilies of the field” (лилии на поле [герба] – имеется в виду родство с королевской семьей, у которой на гербе изображены лилии), а также замечание “uncle George didn’t even put on his own boots” (дядя Джордж никогда не надевал даже собственные туфли) (фокус на слове “even” (даже)) активируют в сознании читателя фрейм «аристократизм». Коммуникант Б переносит фокус последнего предложения на привлекающую его внимание деталь: слово “own” (собственный). Это слово расценивается им как ключевое, оно активирует в его сознании фрейм «собственность». В соответствии с активированным им фреймом он произносит ответную реплику “Whose boots did he put on?” («А чьи же туфли он тогда надевал?»). Для читателя эта фраза неожиданна, при ее восприятии (в частности при восприятии вопросительного слова “Whose” (Чьи) происходит резкая смена фрейма «аристократизм» на фрейм «собственность». С позиций здравого смысла активация неродственного фрейма нелогична. В сознании читателя возникает оппозиция «логичное – нелогичное» (с одной стороны подбор средств языка: лексических единиц, грамматического построения вопроса и ответа – логичен и вполне обычен, однако, с другой стороны,

смысловое наполнение вопроса не соответствует ответу, что является нарушением логики здравого смысла), и возможно появление юмористического эффекта.

Нарушение логики повествования, создающее юмористический эффект, может быть вызвано «нестандартными комбинациями контекстных классов вопросов и ответов» [7: 262].

У. Ленерт выделяет следующие стандартные вопросно-ответные (В/О) комбинации: справочный вопрос – информативный ответ; вопрос-просьба – ответ-действие; любезный вопрос – любезный ответ; стратегический вопрос – стратегический ответ. Исследователь отмечает, что «когда обмен В/О репликами осуществляется при стандартных комбинациях типов вопросов и ответов, диалог осмыслен и воспринимается как типичный и обычный. При нестандартных комбинациях В/О взаимодействие воспринимается либо как бессмысленное, либо как неестественное, либо как смешное» [Там же: 261].

Неожиданный и внезапный переход от одного контекстного класса к другому вызывает неожиданную смену фреймов в сознании воспринимающего и может вызвать появление юмористического эффекта. В проанализированных романах П.Г. Вудхауза нарушение В/О единства – прием менее частотный, чем предыдущий.

А. *“... I have been pursuing burglars”.*

Б. *“Burglars?”*

А. *“Yes, madam. They were two in number. I heard noises and proceeded to institute an investigation, and I observed a nocturnal marauder climbing the waterpipe”.*

Б. *“Good gracious, Bulstrode!”*

А. *“Yes, madam”.*

Б. *“Who was he?”*

А. *“He did not give me his card, madam...”* (14: 48)

Такие слова как *“burglars”* (квартирные воры), *“nocturnal marauder”* (ночной мародер, непрошенный «гость») вызывают активацию фрейма «ночная кража». В рамках этого фрейма справочный вопрос *“Who was he?”* («Кто это был?») звучит нелепо и нелогично. Однако коммуникант А – дворецкий, который всегда знает имена посетителей, поэтому вопрос о личности грабителя задается автоматически. Задавая справочный вопрос, коммуникант Б ожидает получить информативный ответ, но получает стратегический ответ *“He did not give me his card...”* («Он не дал мне свою визитную карточку»). Коммуникант А своим ответом как бы хочет сказать: «Почему я должен знать, я ведь не его соучастник?» Две последние реплики активируют фрейм обыденной ситуации «светский визит». Таким образом, в примере наблюдается смешение двух совершенно разных ситуаций общения, что вызвано активацией неродственных фреймов «ночная кража» и «светский визит». Согласно информации, содержащейся во фрейме «ночная кража», хозяева дома должны испытывать страх и негодование в этом случае. Эти эмоции подавляют их юмористическое восприятие ситуации. Читатель же не задействован в эмоциональной сфере происходящего, негативные эмоции не мешают ему получить удовольствие от юмористического восприятия ситуации.

А. *“There must be something we can do”.*

Б. *“You might fine the animal five pounds”* (15: 360)

В данном примере наблюдается нарушение В/О единства вопрос-просьба – ответ-действие.

Благодаря предшествующему контексту мы знаем, что диалог осуществляется между папашей Бассетом (коммуникант А) и Берти Вустером (коммуникант Б). Оба героя в момент беседы сидят на шкафу, куда их загнала маленькая собачка одного из домочадцев Бассета. Реплика коммуниканта А, а также предшествующий контекст активирует фрейм «безвыходное положение». Содержание фрейма, однако, не предполагает отказ от поиска выхода из неприятной ситуации. Фраза *“There must be something we can do”* («Должно же быть что-то, что можно сделать») звучит как просьба, призыв к действию. Реплика коммуниканта Б *“You might fine the animal five pounds”* («Вы могли бы оштрафовать животное на пять фунтов») – это скорее информативный ответ, а не ответ-действие. Читатель, который уже создал образ папаши Бассета согласно предшествующему контексту (папаша Бассет – бывший мировой судья – имел привычку приговаривать всех мелких правонарушителей к уплате штрафа в пять фунтов), располагает необходимыми знаниями

для правильной интерпретации ситуации. Фраза “*fine the animal five pounds*” активизирует в его сознании фрейм «судебное разбирательство». Активация фрейма совершенно неожиданна. Как следствие такой смены неродственных фреймов возникает юмористический эффект.

К неожиданной смене фреймов в сознании воспринимающего может привести неверное, иногда даже парадоксальное умозаключение. Нарушение логической последовательности повествования и рассуждения – наиболее частотное средство создания юмористического эффекта среди всех языковых средств данной категории в романах П.Г. Вудхауза.

If father had not had indigestion, he would not have bullied her. But, if father had not made a fortune, he would not have had indigestion. Therefore, if father had not made a fortune, he would not have bullied her. Practically, in fact, if father did not bully her, he would not be rich (16: 75).

Известно, что логика здравого смысла основывается на умении переходить от одного фрейма к другому, который имеет с предыдущим общие терминалы. Т. е., если ситуация соответствует фрейму типа «А предполагает В и В предполагает С», то простое «смещение» от одного фрейма к другому дает возможность переинтерпретировать ситуацию как «А предполагает С» [8: 291].

Описываемые рассуждения “*If father had not had indigestion, he would not have bullied her. But, if father had not made a fortune, he would not have had indigestion*” («Если бы у отца не было несварения, он бы ее не тиранил. Если бы он не сколотил состояние, у него не было бы несварения») соответствуют фрейму типа «если причиной А является В и причиной В является С». Логика здравого смысла предполагает переход к фрейму типа «причиной А является С», т.е. логичным было бы такое умозаключение “*If he had not made a fortune, he would not have bullied her*” («Если бы он не сколотил состояние, он бы не тиранил ее»), что и дается первоначально как вывод. Таким образом, выстраивается логическая цепочка «деньги – несварение – тирания», где каждый элемент является причиной последующего. Однако в данной ситуации неожиданно происходит переход к фрейму ошибочного умозаключения «причиной С является А» “*if father did not bully her, he would not be rich*” («если бы он не тиранил ее, он бы не был богат»). В результате логика рассуждений нарушается (причина и следствие меняются местами), ситуация становится алогичной и, поскольку смена фреймов осуществляется неожиданно, адресат не успевает уловить, в какой именно момент логика рассуждений была нарушена. Здесь за маской «логичности» кроется алогичность. При восприятии данной фразы в сознании адресата возникает оппозиция «логичное – нелогичное», появляется юмористический эффект.

... and he said “Will you marry me?” and I said “All right”, and he said “I ought to warn you, I despise all women”, and I said “And I loathe all men” and he said “Right-ho, I think we shall be very happy” (16: 447).

Вопрос “*Will you marry me?*” («Ты выйдешь за меня замуж?») и ответ-согласие “*All right*” («Да») активизируют фрейм «предложение руки и сердца»; ему свойственны такие характеристики, как любовь, доверие, уважение. Создается фрейм типа «если А любит В и В любит А, то А + В = счастье». Далее, такие слова, как “*despise*” (презирать), “*loathe*” (чувствовать отвращение) активизируют неродственный первому фрейму «ненависть и отвращение к противоположному полу» – фрейм типа «если А не любит В и В не любит А, то А + В ≠ счастье». Однако последняя фраза, представляющая собой неверное умозаключение “*I think we shall be very happy*” («Думаю, мы будем счастливы») звучит неожиданно с позиций второго фрейма, она нелогична и соответствует содержанию первого фрейма – получается, что ненависть и отвращение способствуют счастью в браке. Таким образом, снова неожиданная смена неродственных фреймов делает ситуацию алогичной. Здесь, как и в предыдущем примере, нарушены причинно-следственные отношения.

Юмористический эффект может возникать не только в результате нарушения логики рассуждений, повествования, но и вследствие ее полного отсутствия (в этом случае нет даже намека, претензии на логичность). Появление подобной бессмыслицы также связано с неожиданной сменой неродственных фреймов.

A. "Good evening, sir".

B. "What do you mean, good evening? What..."

I think he would have gone to some length, for he was evidently much stirred, but at this point Brinkley interrupted.

A. "Is the Devil in?"

e. It was a simple question, capable of being answered with a Yes or No, but it seemed to take Chuffy aback somewhat (18: 140).

Бринкли (коммуникант А) работает камердинером Берти Вустера. Последний в силу определенных причин был вынужден выпачкать руки и лицо ваксой, что сделало его совершенно неузнаваемым. Суеверный Бринкли, увидев его, и, конечно, не узнав, принял его за самого сатану. Он решил поймать сатану и уничтожить. Бегая по всем окрестностям в его поисках, он прибежал в расположенное неподалеку поместье. Открывший дверь Чаффи (коммуникант Б), удивлен и возмущен поздним визитом. Такие слова, как "Good evening", а также ответная реплика "What do you mean, good evening?" («Что ты имеешь в виду, добрый вечер?») активируют в сознании читателя фрейм «поздний нежелательный визит». Следующая реплика коммуниканта А "Is the Devil in?" («Сатана у вас?») не только разрушает ожидания читателя относительно корректного обмена репликами и последующих извинений за беспокойство, но и заставляет его усомниться в здравомыслии коммуниканта А. Фраза активирует фрейм «сумасшествие». Смена фреймов настолько неожиданна, что не может не вызывать появление юмористического эффекта.

Таким образом, можно заключить, что создание подобных юмористических ситуаций – довольно частотный прием П.Г. Вудхауза. В перспективы нашего исследования входит дальнейшее изучение разнообразных лингвистических средств порождения юмора на языковом и дискурсивном уровнях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Болдырева А.Е. Авторский неологизм как средство создания юмористического эффекта // Наукові записки Кіровоградського педагогічного університету ім. В. Винниченка. Серія: Філологічні науки. – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка. – Вип. 81 (3). – 2009. – С. 43-47.
2. Болдырева А.Е. Когнитивный механизм создания юмористического эффекта // Записки з романо-германської філології. – Одеса: Фенікс. – Вип.19. – 2007. – С. 15-23.
3. Болдырева А.Е. Когнитивный подход к изучению комического // Записки з романо-германської філології. – Одеса: Фенікс. – Вип.18. – 2007. – С. 21-29.
4. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): Дис... канд. филол. наук: 10.02.20. – Волгоград, 2000. – 250 с.
5. Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Волгоград, 2001. – 193 с.
6. Козинцев А.Г. Юмор: до и после иронии // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Индрик», 2007. – С. 238-253.
7. Ленерт У. Проблемы вопросно-ответного диалога // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 258-280.
8. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. – М.: Прогресс, 1988. – С. 281-309.
9. Орлецкая Л.В. Фразеологизмы как средство создания юмористического эффекта в тексте: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1994. – 220 с.
10. Панина М.А. Комическое и языковые средства его выражения: Дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 1996. – 144 с.
11. Сотникова С.И. Языковые средства комического в немецких народных сказках: Дис...канд.филол. наук: 10.02.04. – Харьков, 1996. – 199 с.
12. Титаренко Е.Ю. Языковые средства выражения юмора (на материале произведений английской и американской литературы XIX-XX веков): Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – К., 1992. – 205 с.
13. Шонь О.Б. Мовностилістичні засоби реалізації гумору, іронії і сатири в американських коротких оповіданнях: Дис... канд. филол. наук: 10.02.04. – Тернопіль, 2003. – 232 с.

СПИСОК ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

14. Wodehouse P.G. Barmy in Wonderland. – London: Pan Books. Ltd, 1968. – 188 p.
15. Wodehouse P.G. Jeeves Omnibus. – V. 4: Jeeves and the Feudal Spirit, Jeeves in the Offing, Stiff Upper Lip, Jeeves. – London: Hutchinson, 2000. – 460 p.
16. Wodehouse P.G. Life at Blandings: Something Fresh, Summer Lightning, Heavy Weather. – London: Penguin Books, 1981. – 830 p.
17. Wodehouse P.G. Ring for Jeeves. – London: Coronet Books, 1999. – 214 p.
18. Wodehouse P.G. Thank you, Jeeves. – London: Coronet Books, 1999. – 229 p.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРА

Анжела Болдырєва – кандидат філологічних наук, доцент кафедри теорії і практики перекладу Одеського національного університету ім. І.І. Мечникова.

Наукові інтереси: міжкультурна комунікація, психолінгвістика, ономастика.